

© Анна Бонола

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.01)

УДК 81.374.822

РАЗЛИЧИЕ СЕМИОТИЧЕСКИХ, ПРАГМАТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ РУССКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

Анна Бонола (Милан, Италия)

В статье контрастно анализируются как в словарных статьях двуязычных словарей различаются семиотические, прагматические и культурные признаки в так называемых эквивалентных лексемах. Рассматриваются следующие русско-итальянские и итальянско-русские словари: (1) В. Н. Майзел, Н. А. Скорцова (1972); (2) Г. Ф. Зорко, В. Н. Майзел, Н. А. Скорцова (1995); (3) В. Ковалев (1995); (4) Ю. Добровольская (2001).

Словари (1) и (2) являются самыми неточными для семантического разграничения, а их иллюстративный материал, часто необдуманый и случайный, не дополняет информацию толкования даже имплицитно. Словарь (3) наиболее подробно описывает проанализированные нами дифференциации, а его словарный запас богаче, к тому же часто даются термины и специальные значения слов узкого употребления. Словарь (4) передаёт только существенные семантические признаки лексемы, уточняя их хорошо выбранными иллюстрациями и показывая, следовательно, высокий уровень контрастного лингвистического анализа и владения итальянским языком.

Ключевые слова: контрастный анализ лексики, русская лексика, итальянская лексика, семиотическая дифференциация, прагматика, культура, русско-итальянская лексикография.

Цель статьи – проанализировать, как в словарных статьях двуязычных словарей русского и итальянского языков отмечаются 1) семиотические, 2) прагматические и 3) культурные различия между так называемыми эквивалентными лексемами русского и итальянского языков.

Материалом исследования стали следующие русско-итальянские и итальянско-русские словари: В. Н. Майзел, Н. А. Скорцова [1] (далее – М-С); Г. Ф. Зорко, В. Н. Майзел,

Н. А. Скорцова [2] (далее –З-М-С); В. Ковалев [3] (далее – К); Ю. Добровольская [4] (далее – Д).

Значение знака, как известно, определяется дифференциально, особенно после введения Ф. де Соссюром понятия «значимости» [5], то есть в связи с отношениями, в которые данный знак вступает. Следовательно, смысловозначительность становится краеугольным камнем системного характера для многих языковых уровней, в том числе и для лексического.

Бонола Анна – доктор наук, профессор славистики факультета иностранных языков и литературы, Миланский католический университет.

E-mail: anna.bonola@unicatt.it

Поскольку в настоящем исследовании рассматриваются различия семиотического, прагматического и культурного типа, начнем с определения содержания этих терминов (для этого ссылаемся на изложение G. Gobber [6]).

1. Семиотические различия, в отличие от прагматических и культурных, устанавливаются на уровне языкового кода (то есть лексической системы данного языка) и, будучи системными явлениями, характеризуются обязательностью. Следовательно, **семиотическую релевантность** (semiotic relevance [7]) можно определить как системное семантическое различие в знаковой системе данного языка. На этом уровне существует множество аниморфизмов между разными языками, в том числе, между русским и итальянским. Один из самых распространенных касается обязательных уточняющих разграничений внутри одного и того же понятия, то есть разных способов лексической категоризации реальности. Так, как отмечает Р. Якобсон, «languages differ essentially in what they must convey and not in what they may convey» [8, с. 233].

Аниморфизмы семиотического типа между разными языками можно преодолеть инференцией на основе элементов коммуникативной ситуации. Например, в итальянском языке, в отличие от русского, глагол движения **идти** обязательно различает направление от говорящего (**andare**) или к говорящему (**venire**). Однако это семиотическое различие легко восстанавливается по контексту; итальянец легко переведёт фразу (1) *Иди ко мне* как (1a) *Vieni da me* (с помощью глагола *venire*), а высказывание (2) *Иди домой* как (2a) *Vai a casa* (глагол *andare*).

Однако контекст не всегда позволяет восстановить семиотическую дифференци-

цию исходного сообщения, особенно если перейти от менее аналитической к более аналитической лексической категоризации или если контекст не является достаточным (положим, при непрямом письменном общении или при отсутствии визуального контакта в телефонном разговоре). Например, при отсутствии жеста говорящего или дальнейшего вербального контекста, русское высказывание (3) *У меня болит рука* по-итальянски можно понять и как (3a) *Mi fa male il braccio* [У меня болит от плеча до кисти], и как (3б) *Mi fa male la mano* [У меня болит кисть].

Вариативность обусловлена тем, что слово **рука** в русском языке имеет значение: «Одна из двух верхних конечностей человека, от плеча до конца пальцев» [9]. В итальянском же языке такое общее выражение, как **arto superiore**, хотя и существует как анатомический термин, всё-таки в ежедневном общении употребляется нечасто.

Перейдем к анализу трактовки семиотической дифференциации эквивалентных лексем итальянского и русского языков в двуязычных словарях.

В качестве примера рассмотрим ряд **ломать**, **разбивать**, **рвать** и эквивалентный итальянский ряд **rompere/spezzare**, **rompere/infrangere**, **strappare**. Проблема состоит в том, что в итальянском языке есть не только лексема для общего понятия (**rompere**), но и специфические лексеммы (**spezzare**, **fratturarsi**, **strappare**, **infrangere**). Эти слова уточняют разные виды ломания в зависимости от сломанного материала. В русском же языке лексеммы для общего понятия нет: самое широкое значение имеет глагол **ломать**, который

не является гиперонимом всех указанных лексем итальянского ряда¹: русскоговорящий употребляет преимущественно три лексемы, различающиеся а) по типу сломанного материала, то есть твёрдого (*ломать, разбивать*) или мягкого (*рвать*); б) по типу ломания – на две или больше частей (*ломать, рвать*) либо, скорее всего, на много частей (*разбивать*), судя по толкованиям и примерам из русских словарей, например Д. Н. Ушакова:

- **Ломать.** «Сгибаемая, перегибаемая (какой-нибудь твердый предмет), силою разделять на куски, на части». *Ветер ломает деревья. Ломать сучья. Ломать стальной клинок;*
- **Рвать.** «Разделять на части резким движением». *Рвать платье. Машина рвет нитку. Ветер рвет паруса. Рвать письма в клочки.*
- **Разбить.** (несов. также **бить** в 6 знач.) «Ударами разломать, раздробить, расколоть на куски». *Разбить стекло вдребезги. Разбить камень. Разбить тарелку. Разбить окно* [9].

Различия между специализированными глаголами по указанным признакам сходны в обоих языках, но отсутствие формы с общей семантикой ломания в русском языке заставляет итальянского говорящего каждый раз подбирать специфические глаголы *ломать, разбивать, рвать*, которые во многих случаях не являются взаимозаменяемыми².

Проанализируем, как толкуются эти случаи семиотических несовпадений в русско-итальянских словарях. При анализе будем учитывать только прямые значения глаголов *ломать, разбивать, рвать* и отдельные формы, не образующие словосочетаний.

В таблице 1 выписаны словарные статьи из русско-итальянских словарей, в которых общий итальянский глагол *rompere* является эквивалентом специализированных русских глаголов *ломать, разбивать*. Во всех словарях, кроме К, *rompere* дается в первую очередь, перед специализированными итальянскими глаголами (*spezzare, frantumare, demolire, (in)frangere*). Однако список итальянских специализированных глаголов, различающих «типы ломания» и «сломанные материалы», повторяется почти без изменений в словарных статьях и глагола *ломать*, и глагола *разбить*. Следовательно, различия между русскими специализированными глаголами читатель должен извлечь из примеров сам. В частности, отсутствует информация о том, что *infrangere* употребляется только для стеклянных предметов и в этом случае никак нельзя употребить итальянский глагол *spezzare*.

Что касается глагола *рвать*, то меньшая степень его синонимии с *ломать* и *разбивать* выражается в том, что общий итальянский эквивалент находится в словарных статьях этого глагола не на первом месте, а на втором [3–4] или на третьем [1] (табл. 1).

¹ То же самое можно сказать о многих других рядах, которые в итальянском языке выражаются обычно лексемой с общей семантикой, а в русском – только лексемами со специализированной семантикой, например: *mettere* (*ставить, положить, сажать, вешать*), *stare* (*стоять, лежать, сидеть, висеть*) и т. п.

² Словари Д. Н. Ушакова, МАС, БАС отмечают частичную синонимию между *ломать* и *разбить*, в

то время как *рвать* никогда не заменяет первые два глагола. О тенденции уточнять форму ломания часто свидетельствует узус современного русского языка, например: *Рвать, ломать, разбивать все, что попадает ему в руки. Игрушки, книжки, посуда – ничто не устоит перед ребенком-разрушителем. Как понимать такое поведение?* (<http://www.baby.ru/blogs/post/36506>)

Таблица 1

Русско-итальянские словари

Глагол	М-С	Д	К
<i>ломать</i>	1. rompere , spezzare; frangere (разбивать); demolire (дом, стену); frantumare (разбивать на куски)	1. rompere , spezzare, frantumare, demolire, abbattere	1. spezzare, rompere ; 2. (разбивать) frantumare rompere
<i>разбить</i>	1. (разломать) rompere ; infrangere, frantumare, spezzare (на куски) fracassare (разнести), sconquassare (разрушить)...	1. rompere , spezzare, frantumare, fracassare; infrangere; sconquassare	1. frantumare, rompere , spezzare;
<i>рвать</i>	1. (выдёргивать) strappare; togliere con violenza, affappare 2. (собирать цветы, фрукты) cogliere; 3. (разрывать) lacerare, stracciare, rompere	1. strappare; 2. lacerare, rompere , stracciare, 3. cogliere	1. (разделять на части) strappare, spezzare, stracciare; 2. (делать рваным, дырявым) stracciare, bucare, rompere ;

Недостаточность информации о различиях внутри ряда *ломать, разбивать, рвать*

ещё заметнее, если принять во внимание толкование глагола *rompere* в итальянско-русских словарях (табл. 2).

Таблица 2

Итальянско-русские словари

Р	З-С-М	К	Д
<i>О</i>	1. ломать, разламывать, разбивать, раскалывать demolire, frantumare <i>сломать ребро, разбить голову</i>	1. ломать, разламывать, (spezzare)	1. разбить (spezzare)
<i>Е</i>	2. рвать, прорывать, разрывать	2. разбивать, разбить (mandare in frantumi), разносить	2. сломать, разломать (fratturare)
<i>Р</i>		3. ломать fratturare (med.)	3. порвать разорвать (strappare)
<i>Е</i>		4. раскалывать (spaccare)	

Как видно из таблицы 2, словарь З-С-М даёт несколько эквивалентов итальянского *rompere* (в том числе и *разламывать*, *раскалывать*), объединяя *ломать* и *разбивать* и отличая их от глагола *рвать*, что соответствует различительному признаку твердости предмета. Однако иллюстрации никак не помогают читателю вывести эту информацию (1. *сломать ребро*, *разбить голову*; 2. *разорвать цепи*, *разбить оковы*, *порвать дружеские отношения*). В частности, на основе иллюстраций глаголов *ломать* и *разбить* читатель мог бы прийти к выводу, что *rompere* – медицинский термин. Кроме того, специализированные русские глаголы не сопровождаются итальянским переводом, который в данном случае довольно точно соответствует русскому и был бы полезен пользователю словаря. Благодаря итальянским переводам, приведённым в скобках, итальянско-русская часть словаря К точнее разграничивает *ломать* (1) и *разбивать* (2), но не принимает во внимание *рвать*; правда, выделяет медицинское значение (3) глагола *rompere* (соответствующий термин *fratturare* дается в скобках) и добавляет *раскалывать*, глагол довольно узкого употребления, с переводом *spaccare* (4).

Словарь Д объединяет все три глагола под первым значением (1), но тщательно конкретизирует их переводом в скобках (*spezzare*, *fratturare*, *strappare*) и иллюстрациями, которые ассоциируют глаголы с разными типами сломанных предметов, например: *разбить окно*, *тарелку (бить посуду)*; *сломать руку*; *разбить яйцо*; *расколоть орех*, *порвать платье* [4].

Подчеркнем, что в этом словаре иллюстрация глагола *ломать* передаёт только медицинское значение (*сломать руку*), что может ввести читателя в заблуждение.

На основе этого анализа мы выделяем основные характеристики рассмотренных нами словарей, которые подтверждаются и в дальнейшем. Словарь З-С-М даёт самое неточное семантическое разграничение, и его иллюстративный материал, часто необдуманно, не дополняет информацию толкования даже имплицитно. Более точны словари К и Д, но если первый обращает слишком много внимания на терминологию и лексику узкого употребления, то словарь Д передаёт в толковании только существенные семантические признаки лексем, подтверждая их хорошо отобранными иллюстрациями.

Эти тенденции подтверждаются и в других случаях семиотического русско-итальянского анизоморфизма. Так, например, итальянский глагол *amoriare* объединяет значения русских глаголов *умереть* и *погибать*. В итальянско-русской части словаря З-С-М эквивалентом итальянского глагола *morire* является только *умирать*, в то время как в словарях К и Д добавлен и *погибать*. При этом, словарь К разграничивает *умирать* и *погибать* описательно: «1. умирать – *morte naturale*»; «2. погибать – *di morte violenta*». Словарь Д же уточняет семантику формы *умирать* описательно (*morte naturale*), а формы *погибать* – лексически, добавляя в скобках более точную, но стилистически маркированную форму *decidere* (официальный и медицинский термин).

Что касается семиотической дифференциации, то встречаются и противоположные случаи, когда в русском языке лексема обозначает общее понятие, а в итальянском – нет. Например, в итальянском языке разграничивают «обычное» строение (*edificio*) и строение как помещения определённой организации или учреждения (*sede*), а в русском – употребляется в этих случаях одно и то же слово *здание* (табл. 3).

Таблица 3

Русско-итальянские словари

З Д А Н И Е	З-М-С	Д	К
	1. edificio, stabile, fabbricato, casa (дом), costruzione (постройка)	1. edificio, fabbricato, stabile;	1. edificio, stabile;
		2. sede	2. sede

Как видно из таблицы 3, словарь С-М-З предлагает самое неточное толкование, поскольку не принимает во внимание эту семиотическую разницу, а словари К и Д различают два значения и, следовательно, дают два перевода: *edificio* и *sede*.

Наконец, обратим внимание на менее очевидный случай семиотической дифференциации, на внутри лингвистические анизоморфизмы между прямым, широким и переносным значениями.

Прямое значение является самым типичным употреблением слова [10]. Оно ближе всех к денотации реальности, в том числе и в случае, когда значение лексемы включает метонимический или метафорический перенос. Например, прямое значение ментального глагола *понимать* этимологически является метафоризацией глагола *взять*.

Широкое значение (*sensu lato*) хотя и близко к прямому, но расширяет его.

Переносное значение является интерпретацией другого опыта посредством категорий, свойственных прямому значению слова.

В качестве примера рассмотрим цепочку:

а) *есть* (прямое значение);

б) *наедаться чего-то* в смысле "поесть чего-нибудь в большом количестве" или *чем* в смысле «насытиться» (широкое значение) [9];

в) *наедаться* в смысле «изобиловать чем-то», например: *Любовь уходит постепенно, наевшись досыта обид* (переносное значение) [11].

Производное и широкие значения семантически прозрачны, поскольку их смысл понимается на основе прямого употребления слова. Такая прозрачность не всегда сохраняется в непрямом значении. Естественно, любую лексему можно употребить в переносном значении, но нас интересуют те случаи, когда широкое и переносное значения образуют постоянное новое значение и, следовательно, принадлежат к семиотическим явлениям. Здесь также наблюдаем много анизоморфизмов.

Рассмотрим лексическую пару *мясо* – *плоть*. Слово *мясо* обозначает «1. Обиходное название мышц» [9] или «мышечной ткани» [12] или «2. части убитых животных, покупаемые для приготовления пищи» [9]), «Туша или часть туши животных, употребляемая в пищу» [12]. А *плотью* называется «1. тело живых существ; 2. тело как источник чувственности, сексуального влечения; 3. материальная, органическая жизнь человека в противопоставлении духовной» [13]. Следовательно, в русской лексике различаются не столько *мясо₁* как пища и *мясо₂* как мышца (так же как в английской паре *meat/flesh* и во французской *viande/chair*), а *мясо₃* как материал (*мясо* в значении «мышечная ткань») и *мясо₄* как его

функция. А *плоть* – это функциональное понимание мышечной ткани как тела или даже как материального начала в противопоставлении духовному. Такой метонимический перенос в русском языке семиотически релевантен, поскольку выражается разными лексемами. А в итальянском языке, наоборот, не маркируется: и мясо, и плоть обозначаются одним словом *carne*. В этом случае словарная статья слова *carne* итальянско-русских словарей отмечает возможность разных переводов на русский язык: словарь З-С-М даёт в качестве первого эквивалента *тело, плоть*, а в качестве второго – *мясо*, сохраняя границу метонимического сдвига между словами *мясо* и *плоть*. Однако, к сожалению, среди иллюстраций к словам *тело* и *плоть* есть и выражение *живое мясо*. Кроме того, многозначность лексемы

мясо не фиксируется в словарной статье, и все примеры иллюстрируют только значение этого слова как пищи, а не как тела. Словарь Д, наоборот, как первый перевод даёт *мясо, тело*, как второй – *плоть* (с пометой *переносное значение*), а как третий – *мясо* с уточнением *cibo* («пища») в скобках. Словарь К же под первым значением даёт целый синонимический ряд (*мясо, тело, плоть*), затрудняя, таким образом, понимание разницы между синонимами. Далее описания слов *мясо* и *плоть* отличаются объяснительным перефразированием по-русски и по-итальянски, которые приводятся в скобках. Как видим, словарная статья словаря З-С-М, как и в предыдущих случаях, оказывается менее ясной, чем в словарях Д и К (табл. 4).

Таблица 4

Итальянско-русские словари

			МЯСО	ТЕЛО	ПЛОТЬ
С	З-С-М	1.		X	X
		2.	X		
	Д	1.	X	X	
2.				X (перен.)	
R		3.	X (cibo)		
	К	1.	X (на теле)	X	X (insieme dei tessuti molli)
N		2.	X (cibo)		
	E		3		X (sensi, sensualità)

Возможность для слова приобрести широкое или переносное значения может выражаться также специальными словообразовательными морфемами (иногда с изменением места ударения).

Рассмотрим пару *языкдвый* – *языковдй*. В ней первое прилагательное связано с прямым значением слова *язык* («орган челове-

ского тела»), а второе – с переносным значением слова *язык* как «связанной с ним функции» (метонимический перенос значения). То же происходит систематически в таких парах прилагательных, как *проблемный/проблематичный* (*проблематический*), *философский/философичный* (*философический*), *системный/систематичный* (*систематический*) и т. д. Слово *проблемный* обозначает

просто «относящийся к проблеме» (чисто относительное значение); а **проблематичный** – «то, что является проблемой», иначе говоря, имеет все характеристики проблемы (качественное, переносное значение).

В итальянском языке в этом случае также наблюдается некий анизоморфизм с русским. Так, **проблемный** (прямое относительное значение) выражается в большинстве случаев не суффиксальным прилагательным, а предлогом с существительным (*del problema*). Исключение составляет прилагательное **системный**, которое переводится итальянским

термином **sistemico**. Переносное качественное значение («иметь характеристики проблемы») выражается производной суффиксальной формой **problematico**. В отношении этого семиотического различия анализируемые нами русско-итальянские словари или не толкуют первый элемент пары (относительное прилагательное) – в словарях С-М и Д нет словарной статьи слова **системный**, или в толковании приводят как относительную, так и качественную итальянские формы, не делая между ними различия (табл. 5)

Таблица 5

Итальянско-русские словари

	З-С-М	Д	К
системный	-----	-----	sistemico (основанный на системе), del sistema
проблемный	che pone un problema	-----	che pone un problema, problematico, di ricerca
философский	filosofico, di filosofia = философический	filosofico, di filosofia	filosofico di filosofia

Как видно из таблицы 5, словарь К снова предлагает точные терминологические переводы (например, **sistemico** для **системный** и **di ricerca** для **проблемный**), но при этом не различает относительные и переносно-качественные формы.

2. **Прагматические** элементы коммуникации несистемны, поэтому их описание не входит в основные задачи лексикографа. Тем не менее, некоторые прагматические признаки могут сочетаться с лексемами на постоянной основе. В этих случаях двуязычные словари часто не дают читателю достаточно прагмати-

ческой информации. Таким образом, его знание лексики иностранного языка остается абстрактным и не превращается в реальную компетенцию.

Одно из системных прагматических различий между русским и итальянским языками – это несовпадение семантического и прагматического значений уменьшительных форм. Например, слово **внучка** необязательно выражает семантический оттенок уменьшительности или модально-прагматический оттенок ласкательности, в то время как итальянский перевод **nipotina**, входя в оппозицию с формой **nipote**, непременно приобретает такие оттенки.

Тем не менее словарь М-С переводит слово **внучка** как *nipotina* без дополнительной информации, в то время как словари К и Д решают этот вопрос более корректно, приводя и *nipote*, и *nipotina*.

Показательным примером трактовки прагматического компонента в словарях являются словарные статьи так называемых дискурсивных, или прагматических, слов, которые выражают разные аспекты коммуникативной ситуации (отношения между участниками, пресуппозиции и т. д.).

Рассмотрим пару **разве** – **неужели**. Эти вопросительные частицы, как известно, выражают совершенно разные прагматические функции вопросов. **Разве** часто маркирует риторический вопрос, который является фактически скрытой ассерцией, например: **Разве можно так обращаться к матери?** Эта фраза выполняет функцию упрека. Кроме интонации, маркером риторического вопроса в итальянском языке является или наречие *forse* (как само по себе, так и в конструкции *forse che*)³, или эпистемическое будущее с наречием *poi* (*sarà poi*). А частица **неужели** сигнализирует о другом типе вопроса, выражающем удивленную констатацию положения дел [14–16], например: **Неужели так говорили обо мне?**

Прагматическое различие между словами **разве** и **неужели** в анализируемых нами словарях оказывается совершенно размытым.

Само отнесение этих частиц, особенно **неужели**, исключительно к классу вопросительных вызывает сомнение. В этом отношении грамматическая помета в словаре К *particella*, без определения, более корректна, чем помета *вопросительная частица*.

Что касается итальянских эквивалентов **разве** и **неужели**, то во всех словарях для обеих форм приводится *possibile?*, но это мало помогает итальянскому читателю: данный итальянский аналог может выражать различные вопросы о возможности чего-л. (и как удивление, и как риторический вопрос). Для **неужели** самым естественным является перевод итальянским словом *davvero*⁴, и его мы найдем во всех словарях, кроме, что любопытно, словарной статьи **неужели** в словаре Д. Из иллюстраций словарей М-С и Д опытный читатель может сам вывести некоторую прагматическую информацию: все сколько-нибудь распространенные примеры выражают на самом деле удивление и невозможность говорящего убедиться в том, что утверждается, а в кратких примерах, без контекста, можно использовать и **разве**, и **неужели**, то есть они не дают прагматической информации. Таким образом, словарь Д выделяется высоким уровнем владения его автором итальянским языком. Об этом свидетельствуют и перевод *come fai a?*, и помета о том, что часто **разве** не переводится на итальянский язык (табл. 6).

Таблица 6

³ Nelle interrogazioni retoriche, secondo che sia o no accompagnato da *non*, serve a togliere il dubbio, dando forza all'espressione affermativa o negativa: *non è f. lui il padrone?*; *è f. questo il modo di entrare?*; seguito da *che*: *forse che (o forseché) non son qua io per aiutarti?* [18] (<http://www.treccani.it/vocabolario/forse>).

⁴ «*Davvero!*». Interrogando, esprime dubbio o meraviglia per ciò che uno racconta: *davvero?* (cioè: «è proprio così come dici?») [18]. (<http://www.treccani.it/vocabolario/davvero/>)

	М-С	Д	К
Н Е У Ж Е Л И	<i>частица вопр. è (mai) possibile? davvero? sul serio? niente di meno? неужели это правда?è possibile che sia così? Sarà poi vero?; неужели! Non può essere, non è possibile, ma no!</i>	<i>particella interrogativa. (неучто?) н. вы меня забыли? Possibile che non si ricordi di me? н. это правда? Sarà vero? н. ты не мог позвонить? come fai a dire che non potevi telefonarmi! неужели!impossibile!</i>	<i>particella: davvero? possibile? неужели ты меня не узнал! possibile che non mi abbia riconosciuto? неужели это правда? Possibile che sia vero?</i>
Р А З В Е	<i>частица 1. (неужели): davvero, veramente, è possibile. Разве можно этому поверить? è possibile crederci?; Я был там вчера. Разве?ci sono stato ieri. davvero? possibile?</i>	<i>particella 1. davvero? (avv.) veramente (avv.), possibile (avv.) (о non si traduce); р. это его жена? è veramente sua moglie?; р. они уже приехали? sono già arrivati?; р. они не знают... possibile che non sappiano.; он уже окончил лицей? ha già terminato il liceo?</i>	<i>particella (так ли? правда ли?) davvero, possibile, forse; р. они уже приехали?davvero sono già arrivati? Р. я неправ?ho forse torto?</i>

3. Наконец, проанализируем различия культурного типа, которые являются следом исторической и культурной памяти лексики. Эти процессы иногда выделяются при анализе мотивации слов, показывающей историко-культурные корни слова. Мотивации лексем освещаются в словарях только посредством историко-этимологических помет, которые чаще всего отсутствуют в двуязычных словарях.

Рассмотрим частотный пример – слово **авоська**. В его мотивации видна частица **авось**. Она напоминает нам о трудности покупки продуктов в 1930-е гг., когда это слово и появилось. Лексема толкуется во всех рассматриваемых нами словарях, но без какого-либо

объяснения его культурно-исторической коннотации⁵.

Чуть больше культурной информации находим в толкованиях этнонимов. Например, слова **неаполитанец** или **неаполитанский (napoletano)** во многих текстах имеет не относительное, а качественное значение и его содержание совпадает с коннотациями неаполитанского типа: ‘оживлённый’, ‘хитрый’, ‘симпатичный’, ‘шумный’, ‘обманчивый’, ‘преступный’ и др. Фраза *E' sempre un po' napoletano quando si tratta di soldi* [он всегда как бы неаполитанец, когда речь идёт о деньгах] практически непонятна без информации о

⁵ Под **коннотацией** понимается знак, который выражает ещё одно или некоторые дополнительные значения [17]. Подчеркнем, что коннотация отличается от оценочного компонента слова, которое

обычно рассматривается в рамках модального значения, хотя оценка может сопровождать определённую коннотацию.

коннотациях слова. Однако такой информации, к сожалению, в наших двуязычных словарях нет.

Коннотации, связанные с названиями животных (особенно если они не совпадают в разных языках), на наш взгляд, привлекают больше внимания лексикографов. Это, возможно, связано с глубиной порождающих их традиций, исходящих из классической литературы или фольклора. Так, например, слово *курица (pollo)* ассоциируется в русском языке, в том числе и с бездарностью (*куриные мозги*), в то время как итальянский эквивалент *pollo* – с простотой (простак). В русско-итальянских частях проанализированных словарей коннотации слова *курица* не выделяются, но везде в качестве иллюстративного материала приводится выражение *мокрая курица*. При этом в качестве эквивалентного фразеологизма словари М-С и К предлагают итальянское выражение *pulcino bagnato* («слабый, беззащитный, неуклюжий человек с жалким, вызывающим сочувствие видом»), позитивная коннотация которого совсем не соответствует презрительной и негативной коннотации русского оригинала⁶. Только автор словаря Д, демонстрируя

хорошее владение итальянским языком, отмеченное нами выше, точно передаёт русский коннотативный оттенок, переводя выражение *мокрая курица* как *inetto, buono a nulla* («бездарный, неумелый человек»). В итальянско-русских словарях коннотативное значение слова *pollo* передаётся только в двух словарях: в словаре Д – как «простофиля, простак» и в К – как «простак».

Подведем итоги. В отношении проанализированных критериев словари М-С и З-С-М являются наименее точными, и их иллюстративный материал часто не даёт дополнительной имплицитной информации. Словари К и Д более точны: Д передаёт в толковании только существенные семиотические дифференциальные признаки лексемы, дополняя их при этом хорошо подобранными иллюстрациями; в то время как К наиболее подробно описывает проанализированные нами дифференциации и его словарный запас богаче (часто даются термины и специальные значения слов узкого употребления). Подчеркнем, что читатель, ищущий наиболее уместные эквиваленты труднопереводимых слов, скорее всего, найдёт их в словаре Д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Майзел В. Н., Скорцова Н. А. Русско-итальянский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 1032 с.
2. Зорко Г. Ф., Майзел В. Н., Скорцова Н. А. Новый итальянско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1995. – 499 с.
3. Kovalev V. Kovalev I. Dizionario russo-italiano, italiano-russo. – Bologna: Zanichelli, 1995. 2000, 2007.
4. Добровольская Ю. Большой русско-итальянский – итальянско-русский словарь = Grande dizionario russo-italiano, italiano-russo. – Милан: Hoepli, 2001.
5. Saussure F. de. Cours de linguistique générale. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1968. – 515 p.

⁶ Прост. Презр. 1. О жалким, беспомощном человеке. БМС 1998, 324; БТС, 482, 551, ДП, 948; Максимов, 214. 2. О безвольном, бесхарактерном человеке. БМС 1998, 324; Д.П. 479, 948 [19].

6. **Gobber G.** *Lingue e categorizzazione: alcune osservazioni // Opportunità e sfide nel rapporto tra lingue e culture / A. Gałkowski. – Łódź-Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2013. – Available at: <http://hdl.handle.net/10807/53742> (accessed 21.09.2014).*
7. **Shaumyan S.** *Signs, mind and reality. A theory of language as the folk model of the world. – Amsterdam: Benjamins, 2006. – 315 p.*
8. **Jakobson R.** *On linguistic aspects of translation // R. A. Brower. On translation. – Harvard: Harvard University Press, 1959. – P. 232–239.*
9. **Ушаков Д. Н.** *Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М.: Гос. Изд-во иностранных и национальных словарей, 1935–1940.*
10. **Gobber G., Morani M.** *Linguistica generale. – Milano: McGraw & Hill, 2010. – 304 p.*
11. **Колобова Г.** *Любовь уходит постепенно // «То пятое время года...»: сб. произведений поэтов и прозаиков литературного объединения ЦДУ РАН / под ред. Л. И. Колодяжной, Е. П. Ткачевской. – М.: Линор, 2012. – С. 63.*
12. **Словарь русского языка: в 4 тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957–1961.**
13. **Дмитриев Д. В.** *Толковый словарь русского языка. – М.: Астрель – АСТ, 2003.*
14. **Rathmayr R.** *Die Russischen Partikeln als Pragmalexeme. – München: Otto Sagner, 1985. – 354 p.*
15. **Дискурсивные слова. Опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселева, Д. Пайар. – М.: Метатекст, 1998. – С. 293–306.**
16. **Bonola A.** *Le particelle come manifestazioni del connettivo nella lingua russa (con esempi da Il giocatore – Igrok – di F. M. Dostoevskij) // Sýndesmoi. Connettivi nella realtà del testo / A cura di G. Gobber, S. Cigada. – Milano: Vita e Pensiero, 2006. – P. 199–220.*
17. **Hjelmslev L.** *The Basic Structure of Language // L. Hjelmslev. Essais linguistiques II. – Copenhagen: Nordisk Sprogog Kulturforlag, 1973. – P. 119–153.*
18. **Vocabolario della lingua italiana Treccani: 4 vol. – Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1986–1991. – Available at: <http://www.treccani.it/vocabolario> (accessed 2.12.2014).**
19. **Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.** *Большой словарь русских поговорок. – М.: Олма медиа групп, 2007. – 784 с.*

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.01)

Anna Bonola, Doctor of Philology, Professor of Slavistics, Catholic
University of the Sacred Heart, Milan, Italy.
E-mail: anna.bonola@unicatt.it

THE DISTINCTION BETWEEN SEMIOTIC, PRAGMATIC, AND CULTURAL COMPONENTS OF LEXICAL MEANING IN BILINGUAL LEXICO-GRAPHY RUSSIAN AND ITALIAN LANGUAGES

Abstract

The article provides a contrastive analysis of the way Russian-Italian and Italian-Russian dictionaries represent semiotic, pragmatic, and cultural differences between equivalent lexemes. We'll consider the following dictionaries: (1) V. N. Majzel, N. A. Skvortsova. Italian-Russian Dictionary (1972); (2) G. F. Zorko, V. N. Majzel, N. A. Skvortsova. New Italian-Russian Dictionary (1995); (3) V. Kovalev. Kovalev's Russian-Italian— Italian-Russian Dictionary (1995); (4) Ju. Dobrovolskaja. Great Russian-Italian— Italian-Russian Dictionary (2001).

Dictionaries (1) and (2) are the most imprecise as far as semantic differentiation is concerned. Their illustrative material, often poorly thought out, does not add any further information to the definition, even implicitly. Dictionary (3) is the most accurate when describing the differences we analyzed and its vocabulary is richer (often special terms or uncommon meanings of words are given). Dictionary (4) provides us with the essential semantic features of a given word, illustrating them through well-chosen examples and showing, in this way, a high-level contrastive analysis and a perfect knowledge of the Italian language.

Keywords

lexical contrastive analysis, Russian lexis, Italian lexis, semiotic differences, pragmatics, culture, Russian-Italian lexicography

REFERENCES

1. Majzel V.N., Skvortsova N.A. *Italian-Russian Dictionary*. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1972. 1032 p. (In Russian)
2. Zorko G.F., Majzel V.N., Skvortsova N.A. *New Italian-Russian Dictionary*. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1995. 499 p. (In Russian)
3. Kovalev V. *Kovalev's Russian-Italian – Italian-Russian Dictionary*. Bologna, Zanichelli Publ., 1995, 2000, 2007. (In Italian)
4. Dobrovolskaja Ju. *Great Russian-Italian – Italian-Russian Dictionary*. Milano, Hoepli Publ., 2001. (In Russian, In Italian)
5. Saussure F. de. *Course of General Linguistics*. Wiesbaden, Harrassowitz Publ., 1967–1968, 515 p.
6. Gobber G. Languages and Conceptualisation: some Remarks. *Possibilities and Challenges in the Relationship between Languages and Cultures*. A. Gałkowski. Łódź-Łask, Oficyna Wydawnicza Leksem Publ., 2013. Available at: <http://hdl.handle.net/10807/53742> (accessed 21.09.2014).
7. Shaumyan S. *Signs, mind, and reality. A Theory of Language as the Folk Model of the World*. Amsterdam, Benjamins Publ., 2006, 315 p.

8. Jakobson R. On linguistic Aspects of Translation. R. A. Brower. *On Translation*. Harvard, Harvard University Press Publ., 1959, pp. 232–239.
9. Ushakov D. N. *Dictionary of Russian Language*. 4 vol. Moscow, Gosudarstvennoe izdatil'stvo inostrannyx i natsional'nyx slovarej Publ., 1935–1940. (In Russian)
10. Gobber G., Morani M. *General Linguistics*. Milano, McGraw & Hill Publ., 2010, 304 p.
11. Kolobova G. Ljubov' uchodit postepenno... “*To pjatoe vremja goda...*”. A Collected Works of Poets and Writers of the Literary Association TsDURAN. L. I. Kolodyazhnaja, E. P. Tkachevskaya (eds.). Moscow, Linor Publ., 2012, p. 63. (In Russian)
12. *Dictionary of Russian Language*. 4 vol., (ed.) A. P. Evgen'eva. Moscow, Gos. izdatil'stvo inostrannyx i natsional'nyx slovarej Publ., 1957–1961. (In Russian)
13. Dmitriev D. V. *Dictionary of Russian Language*. Moscow, Astel' – AST Publ., 2003. (In Russian)
14. Rathmayr R. *Russian Particles as Pragmatic Words*. München, Otto Sagner Publ, 1985, 354 p.
15. *Discourse Markers. An attempt of Contextual Semantic Description*. (eds.) K. Kiseleva, D. Paillard. Moscow, Metatekst Publ., 1998, pp. 293–306. (In Russian)
16. Bonola A. Particles as a Manifestation of Connectivein Russian Language (with some examples from F.M. Dostoevskiy). *Sýndesmoi. Connectives in Text's reality*. (eds.)G. Gobber, S. Cigada, Milano, Vita e Pensiero Publ., 2006, pp. 199–220.
17. Hjelmslev L. The Basic Structure of Language. L. Hjelmslev. *Essais linguistiques II*. Copenhagen, Nordisk Sprogog Kulturforlag Publ., 1973, pp. 119–153.
18. *Dictionary of Italian Language Treccani*. 4 vol. Roma, Istituto della Enciclopedia italiana Publ., 1986–1991. Available at: <http://www.treccani.it/vocabolario> (accessed 2.12.2014). (In Italian)
19. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Great Dictionary of Russia proverbs*. Moscow, Olma Media Group Publ., 2007, 784 p. (In Russian)